

Когда они падут

Дни автократов в России и Иране, похоже, сочтены. После падения авторитарных режимов может появиться опасный вакуум власти.

Иногда новый цикл начинается не просто с шума. Иногда раздается громкий и вызывающий тревогу сигнал о том, что нас может ожидать за горизонтом. Именно это случилось в нынешнем сентябре, когда перед нами предстала полная надежда и опасностей, радикально иная геополитика. С разницей буквально в несколько дней мы увидели почти полный крах российской армии в Украине, а затем унижение правящего режима на улицах иранских городов.

Солдаты президента России Владимира Путина оказались не более чем марширующей толпой: они пытали и жестоко обращались с гражданскими лицами, попавшими под их контроль, но внезапно покинули свои позиции, обратившись буквально в бегство от наступающих украинских сил. Склонное к фашизму путинское государство национальной безопасности может обернуться в прах. Его угрозы начать ядерную войну лишь подчеркивают, что авторитарные режимы становятся наиболее опасными в годы, предшествующие их исчезновению.

Что касается Ирана, то здесь потеря уважения к режиму со стороны подданных была наглядно продемонстрирована массовыми протестами, которые охватили десятки городов: люди потребовали покончить с Исламской республикой. Яростное недовольство, распространяемое социальными сетями, вспыхнуло из-за смерти 22-летней женщины, Махсы Амини, погибшей от рук так называемой полиции нравов: она была задержана за то, что неправильно носила хиджаб. Впрочем, топливом для протестов послужили десятилетия репрессий и коррупции, а также превратившаяся в руины экономика.

*Авторитарные режимы
становятся наиболее
опасными в годы,*

Война в Украине уже изменила европейскую и даже глобальную геополитику. Но конец путинского режима может привести к совершенно непрогнозируемым

*предшествующие их
исчезновению*

изменениям: сама Российская Федерация может распасться, в то время как НАТО и Евросоюз будут расширяться на восток. Аналогичным образом падение клерикального режима в Иране изменит весь Ближний Восток, фактически покончив с длящейся уже несколько десятилетий религиозной войной суннитов и шиитов и значительно улучшив стратегические позиции Израиля и консервативных арабских государств. Благодаря этому может даже стабилизироваться Ирак, не говоря уже о Ливане и Сирии.

Ни российскому, ни иранскому режиму сейчас ничего конкретного не грозит. Каждый из них может простоять еще годы. Но нынешний месяц позволил увидеть краешком глаза их грядущую гибель. Путин не может выиграть войну с Украиной (и даже не может свести ее вничью), а муллы открыто презираемы значительной частью населения страны, поэтому главным становится вопрос, когда они падут, а не падут ли они. В мире, где новость о военном поражении, или о произволе, или о каком-нибудь, казалось бы, незначительном, но символическом событии распространяется мгновенно в социальных сетях, люди, подобные Путину и верховному лидеру Ирана Али Хаменеи, не могут спать спокойно.

Но хотя у этих режимов нет никакого реального будущего, не существует понятной и институционально возможной альтернативы, которая бы могла их заменить. И именно тут возникает геополитическая опасность. Дело в том, что мы говорим не просто о каких-то двух странах. Россия – это великая держава с ядерным оружием, а Иран – это крупное, ключевое государство Ближнего Востока и Центральной Азии, которое вот-вот обретет ядерное оружие.

*Демократическое
ликование, которым
будет сопровождаться
падение этих режимов в
предстоящие годы,
быстро уступит место
трезвому осознанию
ужасающего*

Даже когда демократия побеждает, она не возникает в одночасье в государствах, где отсутствуют реальные демократические традиции. Нередко начинаются годы смуты. После развала СССР 1990-е годы в России оказались периодом безудержной преступности, экономического хаоса и плохо проводившихся реформ, в результате которых примерно 70 процентов россиян стали жить за чертой бедности. Именно из

политического вакуума в Москве и Тегеране

этого водоворота плохо функционирующей демократии в итоге вышел Путин.

Иран прошел через намного менее болезненный и длительный политический переходный период в 1979 году, потому что муллы никогда не считали демократию своей целью. Напротив, они быстро заменили авторитарный шахский режим на клерикальный деспотизм. Но муллы до такой степени разрушили общество, что посттеократический Иран может стать неуправляемым или даже дезинтегрироваться по этническим и географическим признакам.

Именно поэтому демократическое ликование, которым будет сопровождаться падение этих режимов в предстоящие годы, быстро уступит место трезвому осознанию ужасающего политического вакуума в Москве и Тегеране. И не исключено, что более радикальные силы (российские ультранационалисты и иранская революционная гвардия) лишь ждут своего часа. Чем более деструктивной становится тирания, тем более глубокой обычно оказывается последующая анархия.

В этом хаотическом мире, возникшем на обломках тирании, будет преобладать стремление к порядку. Среди интеллектуалов и политиков страх перед анархией придет на смену страху перед авторитаризмом. Все это легче представить, если задуматься над тем, как трудно будет стабилизировать совершенно разрушенные государства и общества, которые Путин и муллы оставят после себя. Упадок авторитаризма весьма усложнит работу демократии.

(c) Project Syndicate 2022

Роберт Д. Каплан

Роберт Д. Каплан (Robert D. Kaplan) – заведующий кафедрой геополитики Института внешнеполитических исследований, автор книги *The Tragic Mind: Fear, Fate, and the Burden of Power*.

